

**Казанский государственный университет
им. В.И. Ульянова-Ленина**

На правах рукописи

ДАВЛЕТШИН ЗУФАР КИЯМУТДИНОВИЧ

**ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ СУБЪЕКТА В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА**

09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук*

Казань - 2008

Работа выполнена на кафедре социальной философии и культурологии
философского факультета Казанского государственного университета
им. В.И.Ульянова-Ленина

Научный руководитель -	доктор философских наук, профессор Лебедев А.Б.
Официальные оппоненты:	доктор философских наук, профессор Гизатов К.Т. кандидат философских наук, доцент Маслов Е.С.
Ведущая организация -	ФГОУ ВПО Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Защита состоится «29» января 2008 в 14.00 на заседании диссертационного совета Д. 212.081.16 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 в Казанском государственном университете.

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2008 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат философских наук

Гизатова Г.К.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность данного исследования заключается, прежде всего, в том, что проблема социального целеполагания, поставленная философией в период индустриализма, сегодня породила вопрос мотивации деятельности субъекта в условиях очевидного изобилия окружающих его предметов потребления, превратившийся в главный вопрос социального движения постиндустриального общества. Сегодня индивид живет не столько в присутствии других индивидов, сколько в контексте психологического гаджета, порождаемого логикой предметов, что с достаточной очевидностью обнаруживает проблематичность существования субъекта для самого субъекта. Последний постепенно превращается в комплекс функциональных свойств, актуализируемых в ритме движения товаров и услуг, подчиненных логике движения меновой стоимости. Парадокс современного общества состоит, таким образом, в гипертрофии меновых приоритетов целеполагающих установок общественного субъекта, усугубляющийся новейшими метаморфозами товарно-денежного обращения. Его общий вид предполагает ассоциацию с референтным ансамблем, получившим понятийное оформление в социально-философской теории. В конечном итоге период индустриализма и последовавший за ним постиндустриализм утвердили субъекта в системе социальных связей не столько как потребителя полезной стоимости объекта, сколько эпифеноменального следствия господства стоимости меновой. Ценность жизни субъекта предстает отчужденной от него самого.

Становление социальной идеологии полностью зависимо от менового инструментария сознания индивида берет свое начало в эпоху индустриального общества. Социальная теория, рассматривающая субъектную конституцию бюрократической машины, свидетельствует об этом весьма красноречиво. Постиндустриальное общество такое статус кво превращает в новейшую социальную тотальность.

Большую роль в мировоззренческой системе субъекта здесь играет и принятое им самим идеологическое самообоснование, коим в индустриальную эпоху, как известно, является протестантизм. Развитие социальных связей, наряду с развитием представлений о прогрессе, приводит к превращению его в фундамент особой ментальности индивида, – ментальности, которая лежит в основе понятия *homo economicus*, и современные товарно-денежные отношения во многом основаны на установках, сформированных в контексте протестантской этики. Психология экономического человека, типичного представителя капитализма XIX-XX веков, – еще один феномен, имеющий большое значение для понимания мотивов деятельности субъекта Нового времени, обслуживающих неосознанную сферу значений. Без адекватного отображения и оценки этого феномена, который демонстрирует незаменимость и необходимость индивида как потребителя, правильное понимание его причинности и сегодняшнего качественного состояния вряд ли возможно.

Исходя из подобных тенденций развития индивидуального целеполагания, важным становится последовательное рассмотрение его эволюции в означенные периоды. Кроме того, следует отметить необходимость интеграции наиболее значимых теорий в изучении феноменальных структур современного общества. Эта необходимость назрела давно. Здесь наиболее ценными, на наш взгляд, выступают концепты таких представителей социально-философской мысли, как Г.Гегель, К.Маркс, М.Вебер, Г.Лукач, Э.Фромм, Ж.Бодрийяр, Э.Тоффлер, Д.Белл, З.Бауман, Ж.Липовецки, С.Жижек и ряд других.

Степень разработанности проблемы целеполагания в социальной теории периодов индустриализма и постиндустриализма является довольно незначительной. Данная тематика затрагивается в большинстве случаев косвенно, хотя и считается традиционной в философии вообще. Тем не менее, широкий круг проблем, поднимаемых исследователями, позволил нам привлечь фундаментальные труды вышеозначенных авторов для построения

анализа. Подчеркнем, что пролонгация многих проблемно-теоретических аспектов, поднятых Г.Гегелем и К.Марксом, продолженных М.Вебером, Э.Дюркгеймом, Г.Лукачем, а впоследствии представителями Франкфуртской школы, теоретиками структурализма, постструктурализма в социально-философской мысли системна и отчетлива. И несмотря на то, что эти течения не позиционируют проблему субъектного целеполагания как такую, которая находится на авансцене теории, они прямо свидетельствуют о многочисленных противоречиях в социальном движении, констатирующих остроту поднимаемого нами вопроса.

Особенно ценным теоретическим источником, отражающим состояние и психологию субъекта индустриального общества, для нас стала концепция Георга Лукача. Корректная ретрансляция им идей Карла Маркса, практическая адаптация их применительно к его историческому периоду, позволила Лукачу выстроить перспективную теорию, где субъект занимает главное место. Исследование мотивации индивидуальной деятельности в условиях активного социального процесса приобрело, благодаря ему, особый смысл. Подобный субъектоцентристский подход характерен и для Эриха Фромма.

Не менее ценной для нас стала концепция Жана Бодрийяра. Развенчивание им тотальности знака, убедительная и праксеологичная система взглядов на современные ему социально-экономические и политические явления, актуальны и по сей день. Важная деталь: критицизм Бодрийяра не ищет новые социальные силы и течения, он словно призывает к неким объективным потрясениям и вмешательству извне, которые сделают очевидной рабскую зависимость субъекта от знака в постиндустриальном обществе и уничтожат пагубный для индивида мир эпифеноменальных значений. Таким вмешательством можно считать волны мирового финансового кризиса, охватившего цивилизованный мир и окончательно развеявшего миф о всемогуществе бесконтрольного и безответственного производства денежных знаков и ценных бумаг, не имеющих реального

обеспечения. Нельзя не признать удивительную прозорливость футурологических аспектов теории Бодрийяра.

Кстати, ценность футурологического подхода подтверждают и концепты известных теоретиков постиндустриального общества Элвина Тоффлера и Дэниэла Белла. При этом сами эти авторы всегда подчеркивали, что не пытаются создать некий конструкт, который станет панацеей при решении социальных проблем, а лишь предлагали дополнительный методологический инструмент для адекватного и эвристически эффективного понимания современного общества.

Среди русскоязычных исследователей в контексте исследуемой проблемы можно особо выделить А.И.Яценко, В.Л.Иноземцева, Н.Д.Абсава, Н.А.Маслова, В.Парцвания, В.Горозия, Г.Малашхия.

Анализ литературы дает возможность констатировать наличие обширного фактического материала и тенденции к усилению интереса к проблеме социальных отношений в индустриальном и постиндустриальном обществе. Вместе с тем, как в зарубежной, так и в отечественной социальной теории исследований в области непосредственно проблемы целеполагания субъекта в условиях техногенной цивилизации существует значительный пробел, что предполагает необходимость дальнейшей разработки данной проблемы.

Таким образом, **объектом исследования** является целеполагающая деятельность субъекта в социальной теории, а непосредственным **предметом** – проблема целеполагания в условиях эволюции феномена отчуждения в социально-философской мысли индустриального и постиндустриального обществ.

Главной целью работы является анализ целеполагания субъекта в социальной теории периода индустриализма и постиндустриализма. В связи с этим нами были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотрение теоретических оснований проблемы целеполагания в рационалистической философии конца XVIII – XIX веков;

- анализ проблемы субъектного целеполагания в социальной философии периода индустриализма;
- исследование исторического содержания феномена homo economicus;
- анализ проблемы субъектного целеполагания в социально-философской мысли периода постиндустриализма;
- изучение методологических оснований теории постиндустриального общества;
- анализ самоотчуждения целеполагающего субъекта в постиндустриальном обществе.

В качестве **теоретической базы** нами были использованы классические (Г.Гегель, К.Маркс) и постнеклассические (Ж.Бодрийяр, С.Жижек) исследования, прямо или косвенно затрагивающие проблему целеполагания субъекта в индустриальную и постиндустриальную эпоху. Также были использованы труды теоретиков постиндустриального общества (Э.Тоффлер, Д.Белл, В.Иноземцев). Исследовательским инструментарием работы избран понятийно-категориальный аппарат неомарксистской, экзистенциалистской и структуралистской философии, поскольку именно он позволяет эксплицировать ресурс подлинно гуманной этики.

Исходным методом в основу работы был положен общеполитический методологический принцип диалектического единства логического и исторического, восхождения от абстрактного к конкретному, а также метод историко-критической реконструкции.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- выявлена эволюция проблемы целеполагания в хронологической ретроспективе социальной теории индустриального и постиндустриального обществ;
- установлено несовпадение реальных возможностей с их оценкой индивидом, ведущее к гипертрофии структуры субъектного целеполагания и конституированию неадекватности последнего;

- определена причинно-следственная связь сформированной индустриальным обществом субъектной рефлексии и субъектного целеполагания и их элиминацией за пределы осознанных значений и смыслов, продуцируемых меновыми структурами постиндустриального общества;
- установлено, что элиминация картезианской субъективности и редукция индивидуального целеполагания к симптому (С. Жижек) составляют главную предпосылку и, одновременно, необходимое условие существования знака как феноменологического замещения меновых структур постиндустриального общества;
- выявлено, что феноменологическое замещение меновой стоимости выступает единственным знаковым выражением сущности новейшей формы самоотчуждения человека.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Субъект Нового времени в социальной теории индустриального и постиндустриального общества представлен как объект, целеполагающая деятельность которого подчинена закону меновой стоимости и отношение к которому детерминируется границами его экономического потенциала.
2. Социальное кредо индивида и формирование его целеполагания основываются на принципах усложненных, но предсказуемых мотиваций, что ведет к отчуждению и формированию действительности, конституирующейся лишь в качестве сублимированного субстрата реальной картины мира.
3. Повседневность субъекта предстает социальной комбинаторикой, где царствуют меновые знаки, в значительной степени определяющие индивидуальное целеполагание, о чем свидетельствует рефлексивное отображение проблемы субъектного целеполагания в социальной теории постиндустриального общества.

4. Социальные процессы периода постиндустриализма не уникальны по своей природе и идентифицировались в период завершения истории индустриального общества. Сегодня же перед обществом стоит витальная задача реанимации субъектного целеполагания, являющегося важнейшим мотивационным атрибутом деятельности индивида.

Научно-практическая значимость диссертации заключается в обобщении результатов разнообразных социально-философских исследований проблемы отчуждения в индустриальном и постиндустриальном обществе и специальных работ, посвященных рассмотрению социально-экономических противоречий данных обществ и месту субъекта в них.

Основные положения предлагаемой диссертационной работы изложены в статьях, опубликованных в сборниках статей «Образование и культура постмодерна» (Казань, 2005), «Человек и общество в современном мире (парадоксы социально-философского дискурса)» (Казань, 2006), «Человек перед лицом глобального вызова» (Казань, 2006) в «Учёных записках Казанского государственного университета» (2008).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, содержащих шесть параграфов, заключения и библиографического списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень разработанности проблемы, формулируются цели и задачи работы, определяется научная новизна, основные положения, выносимые на защиту, отмечается теоретико-методологическая основа и практическая значимость исследования.

В первой главе **«Проблема субъектного целеполагания в социальной философии периода индустриализма»** рассматривается

социальная теория периода индустриального общества и рефлексивное отображение проблемы субъектного целеполагания той эпохи. Значительный вклад в изучение указанной проблемы был внесен, прежде всего, представителями немецкой классической философии, а также Л.Фейербахом, К.Марксом, З.Фрейдом, – являющимися непосредственными представителями периода индустриализма с присущим ему техническим детерминизмом. Также проводится историко-философская реконструкция проблемы целеполагания в индустриальном социуме, что позволяет констатировать противоречивость (под которой Георг Лукач понимает непримиримое противоречие) «трансцендентального субъективизма» отдельного индивида и «механически-детерминистского объективизма» социума в целом. Вместе с тем, рассматривается феномен отчуждения, постулированный гегелевским пониманием соотношения человека и мира. Концепт Гегеля предвосхитил болезненно рафинированный фатализм, установивший впоследствии социально-психологические стереотипы человеческой практики в рамках жестко заданной формулы макро-пассивности. Кроме того, рассмотрен феномен homo economicus, утвердивший особый этос субъекта в эпоху капитализма.

В первом параграфе **«Теоретические основания проблемы целеполагания в рационалистической философии конца XVIII – XIX веков»** проводится исследование рефлексивной стороны проблемы целеполагания, наиболее полно представленной Гегелем и Марксом. Оба философа предельно критически, глубоко исследуют современное им общество. Гегель констатирует кризисность периода, раскол социального бытия на познающего субъекта и противостоящего ему объекта, что репрезентируется нарастанием проблемы целеполагания индивидуального субъекта и нестабильностью мира отчужденного духа. Гегель также обосновывает тождественность разумного и необходимого, отдает приоритет средству как объективной возможности, постулируя, однако, социальную необходимость, например, в развитии средств производства,

при условии которой человек обладает властью над природой, несмотря на то, что *по своим целям он скорее подчинен ей*. Налицо противоречие между субъектным целеполаганием и объективными условиями. Таким образом, декларируемая Гегелем законченность мира и манифестация необходимости отвоевать у мира то, что он хочет иметь для себя самого, явилась декларацией многих принципов капиталистического общества. Однако несмотря на гегелевскую формулу фактической предсказуемости и единообразия социального движения, осуществляющегося в рамках известного нам цикла, актуализация цели и есть фактор, разрешающий противоречия между объективным и субъективным вообще. Целеполагание, которое при этом выступает в качестве субъективного фактора цели в перспективе ее реализации, представляет собой само мышление, ориентированное на конкретный результат практической деятельности. Таким образом, именно концепты Гегеля ознаменовали смерть *творческого* субъекта, лимитированного конечностью его биологической сущности и социальным фатализмом. В целом, философские направления, существовавшие до появления марксизма, окончательно не решили проблему субъектного целеполагания, его экзистенциального начала, а также социальной сущности человека.

Несомненно, что именно рассуждения Гегеля создали предпосылки для развития Марксом своей социально-философской теории, в которой важное место занимает феномен реификации, имеющий большое значение и для нашего исследования. Фактически Маркс эксплицировал кантовскую активность человеческого сознания. В основе эффективности актуализации указанной активности лежит введенный Марксом принцип общественной практики, которая, в сути своей, есть основа субъектного целеполагания вообще. Проблема целеполагания в связи с этим заключается в превращении объективных факторов, ограничивающих целеполагающую деятельность, в тотальность отчуждения. Данный процесс характеризует не столько незрелость системы социальных связей (если учесть, что сущность

человека заключается в совокупности всех общественных отношений), сколько самого субъекта, поскольку именно последний является творцом этих отношений.

Таким образом, Гегелем и Марксом были заложены принципы осмысления индивидуального целеполагания в условиях грядущей тотальности отчуждения.

Во втором параграфе «**Номо economicus в период конца XIX – начала XX веков**» исследуются основные характеристики индустриального общества, а также целеполагающая сущность и особая ментальность, этос человека экономического, в качестве предмета исследования проявляющиеся лишь на уровне капиталистических форм производства и общественных отношений.

Как известно, умпостигаемая сущность культуры, равно как и ментальности определенного исторического периода, детерминируется универсальностью творческих сил и потенций субъекта, действующего в объективных экономических и социальных условиях эпохи. Таким образом, именно капитал является символом рождения товарно-денежных отношений, оказавшим преимущественное влияние на формирование индустриального (а в дальнейшем и постиндустриального) общества, на целеполагающее начало субъекта и, что в равной степени важно, эволюцию феномена отчуждения, по сути, деструктурировавшего творческие способности индивида в условиях фрустрации. Повторимся, понятие отчуждения было глубоко определено еще Гегелем, а Марксом – значительно расширено. Последний рассматривал отчуждение непосредственно в контексте трудовых отношений, в рамках которых процесс отчуждения явился отражением социального движения. Ведь именно в ходе последнего создаются сообщества, где отдельный индивид утрачивает свое экзистенциальное начало, замещаемое корпоративной интенциональностью. Практически, homo economicus – человек отчужденный и овещенный. Соответственно, овещенными предстают и сами социальные связи. В целом, процесс овещения

социальных связей можно приравнять к процессу становления некоей новой социальной идеологии, носящей ярко выраженный авторитарный характер. Но она не дает представлений о путях достижения субъектом состояния счастливой эйфории, что наглядно было продемонстрировано в период индустриального капитализма. Беспощадные борьба и конкуренция, в которых оказался субъект Нового времени, лишь репрезентировали одиночество и бессилие индивида в этот период, его растущее стремление к «Я» свободе и счастью, актуализировавшееся уже в середине XX века. С одной стороны тотальная калькуляция жизни и общественного производства приводила к абсолютизации системы права, интеллектуальному и познавательному прогрессу, к увеличению объемов производимых продуктов. С другой стороны, она стала основой инспирирования социальных иллюзий и бегства в симбиотическую зависимость, которые на деле лишь приглушали страдание субъекта, но не могли его устранить.

Социальная теория периода индустриализма имплицитно содержит понимание диалектического характера жизнедеятельности экономического человека. С одной стороны, его целеполагание подчинено фундаментальному идеологическому основанию капиталистической системы – принципу безграничного накопления капитала. С другой, – homo economicus стал генератором общественного и производственного прогресса.

Важнейшими целеполагающими социально-психологическими послылками человека экономического можно считать декларируемое протестантской этикой достижение счастья в рамках человеческой практики (эмпирии), основанное на идее призвания, морального долга, а также представления о том, что эгоистические интенции лежат в основе мира и гармонии в обществе. Именно понятие безапелляционного индивидного эгоизма, на наш взгляд, и является фундаментальным базисом социальной контрадикторности, в корне опровергающей квинтэссенцию деятельности во имя диалектики социальной эффективности и конституирующей эффективность индивидуальную. Подобную

популярность протестантизм снискал, на наш взгляд, в силу неприятия человеческим сознанием фаталистического принципа, доставшимся ему в наследство от Гегеля, концепция которого свела весь исторический процесс и субъектную эмпирию к конституированию неограниченной объективной необходимости. Таким образом, именно беспросветная тотальность стала главным фактором социальных фрустраций и поисков новых способов удовлетворения индивидуальных потребностей в эпоху постиндустриализма. Однако XIX столетие еще оставалось веком гуманистической традиции, и дух механистического материализма не проник во все сферы человеческой жизни. Но Марксом уже был выражен протест против отчуждения труда в обществе потребления, что создало предпосылки для новой акцентировки гуманистических идей.

В третьем параграфе **«Гуманность или тотальный прагматизм?»** рассматриваются этические и принципы рациональности, лежащие в основе жизнедеятельности субъекта эпохи индустриализма.

Капитализм был онтологизирован не только референтно и юридически, но и этически, а именно – протестантизмом. Причем именно последний и стал для конкретного субъекта своего рода ключом от неведомой до определенного момента двери, ведущей из психологического тупика, перед которой очутилось современное человечество в условиях тотальности отчуждения. Тогда это был привлекательный выход из ситуации, когда редукция и последовательная негативизация в краткосрочных перспективах общественных и индивидуальных ценностей нивелировала значение фундаментальных этико-религиозных норм. Казалось, это была возможность освободить мировоззрение от реверсионизма, защитить целеполагание от ограниченных утилитарных императивов, превратив его в гуманистический атрибут цивилизованного человека.

Этические основания труда приобретают надсубъектный характер, диктуя новые правила детерминации социальных отношений. Объективация подобных принципов осуществляется самим субъектом,

отношения становятся опредмечиванием социальности субъекта в условиях капитализированной и индустриализированной тотальности. И теперь это уже не эклектичные связи, порожденные примитивным обменом и иными простыми транзакциями, а подогреваемое и стимулируемое окончательно оформленным законом «естественной» конкуренции и экономикой общественное бытие. Однако собственно экономическая жизнь не является некоей автохтонной субстанцией, а находится в тесной взаимосвязи с жизнью духовной. Эта взаимосвязь и стала условием трансформации социальных связей самого общества, которое хотелось видеть Марксу и который подразумевал под изменением его надстройки соответствующее преобразование и экономического фундамента. Она обуславливала целостность социума, социальную динамику и развитие самой экономики. Однако XX век не принес желаемых Марксом трансформаций общества, а лишь усилил психологические антиномии внутри него, поставив под сомнение целесообразность самого субъектного целеполагания в условиях абсолютной калькуляции и отчуждения.

Таким образом, мы имеем дело с явной амбивалентностью экономического человека, эксплицированной уже в период индустриального общества. С одной стороны, он демонстрирует яркую приверженность экономическому детерминизму, с другой стороны, его экзистенцирующее начало вступает с его утилитаризмом в серьезное противоречие. Очевидно, что нормы, в соответствии с которыми функционирует капиталистическое общество, формируют также и характер членов этого общества. В индустриальном обществе такими нормами является стремление приобретать собственность, сохранять ее и приумножать, то есть извлекать прибыль, а владеющие собственностью становятся предметом восхищения и зависти как существа более высокого порядка. В конечном итоге предельная рационализация происходящих процессов, основанная на принципе эффективности, сводит на нет спонтанность возможности субъекта, его инициативу. В процессе

производства следствием такого положения дел становится редукция творческого начала индивидуального субъекта, обрекающая имманентность его индивидуального целеполагания на тотальную интеграцию с целеполаганиями общественными, нивелирующими саму личность человека. Субъект отчужден от своих способностей, совокупность которых разрушается экономическими особенностями периода и калькуляцией.

Во второй главе **«Проблема субъектного целеполагания в социально-философской мысли периода постиндустриализма»** посвящена подробному рассмотрению рефлексивной стороны проблемы целеполагания в социальной теории постиндустриального общества.

Состояние современного общества, вне зависимости от дефиниции, примененной к нему (будь то постиндустриальное общество, общество постмодерна или информационное общество), платформа его устройства является, на наш взгляд, закономерным результатом, итогом его естественной эволюции. Одной из важнейших проблем постиндустриального общества является проблема субъектного целеполагания, которая есть константа в интеллектуальном созерцании субъектом своего внутреннего мира, своего «Я». Именно индивидуальное целеполагание есть наиболее значимый фактор, детерминирующий целесообразность субъекта для него самого. Понимание того, как формируется целеполагание в эпоху постиндустриального общества, даст возможность ответить на вопрос о принципах поведения субъекта, о соотношении субъекта и объекта в современный период, о том, что есть субъект – демиург действительного в Гегелевском смысле или же интеллектуальный абстракт, заключенный в биологическое тело.

В первом параграфе **«Методологические основания теории постиндустриального общества»** изучается парадигма постиндустриализма. Она явилась результатом синтеза многих социологических и экономических теорий. Научная основа данной парадигмы восходит к эпохе Просвещения. Непосредственно постиндустриальной эпохе предшествовал индустриальный

период, а его идеологами являлись основоположники позитивизма, который оказал немалое влияние на социальную теорию в XX веке. *Первой* важнейшей составляющей теории постиндустриального общества стала периодизация истории на основе технологических факторов организации общественного производства. В дальнейшем исследователи разрабатывали проблемы социальных состояний обществ уже в контексте технологических факторов. *Второй* составляющей стало распространение оформившегося к 1960-м годам доминирования технологических аспектов на непосредственный анализ экономического развития обществ. В 40-50-е годы XX века было сформировано представление о трехсекторной модели общественного производства, разграничивающей всю национальную экономику на первичный (сельское хозяйство и добывающие отрасли), вторичный (обрабатывающая промышленность) и третичный (сфера услуг) секторы с последующим ростом удельного веса третичного сектора как в совокупной рабочей силе развитых стран, так и в структуре валового национального продукта. Синтез различных подходов к анализу современного общества, давший начало собственно теории постиндустриального общества, приходится на 1960-70е годы. Парадигма постиндустриализма вобрала в себя такие значительные теории, как концепции коренной трансформации капитализма и «единого индустриального общества», концепцию стадий экономического роста, отождествлявшихся со стадиями развития самой человеческой цивилизации, концепцию «индивидуализированного общества» и ряд других менее популярных теорий.

Собственно теория постиндустриального общества изначально рассматривалась как аналитическая конструкция, а не картина специфического конкретного общества, как некая парадигма, социальная схема, выявляющая новые оси социальной организации и стратификации в развитом западном обществе. На сегодня теория постиндустриального общества является метатеорией, которая в полной мере воспринята западной

социологической традицией. Основоположниками теории постиндустриального общества считаются Элвин Тоффлер и Дэниэл Белл. По словам самих исследователей, методологически теория постиндустриального общества была попыткой проникнуть в будущее и конституировалась как футурология. В основе данного концепта лежит понимание действительности в рамках общества будущего, а собственно будущее рассматривается им как «интеллектуальное орудие».

Но вряд ли теория постиндустриального общества была бы методологически столь емкой и актуальной, если бы она так или иначе не опиралась на труды Карла Маркса, Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма, пусть последние в своих трудах и не оперировали понятием «постиндустриальный». Концепты именно этих трех авторов внесли огромный вклад в развитие этой теории. «Общественное производство», «производство средств производства», «экономическое принуждение», «общественный прогресс», «рациональное поведение», «целерациональное действие», «социальная солидарность» и т.п., к которым апеллируют теоретики и исследователи постиндустриализма, – текстологические инструменты, составляющие основу понятийного аппарата данной концепции. Кроме того, именно Марксом была сформулирована модель периодизации социальной истории на основе выделения общественно-экономических формаций и соответствующих им способов производства, а также созданы научные предпосылки для становления прогностического и футурологического методов, которыми впоследствии пользовались указанные основоположники теории.

Таким образом, с последней трети XX века в рамках социальной теории западными исследователями принято называть формирующееся новое общество постиндустриальным и противопоставлять его доиндустриальному и индустриальному. Они выделяют пять важнейших черт этого нового общества, отмечая, что в нем, во-первых, экономика перешла от преимущественного производства товаров к преимущественному созданию

услуг; во-вторых, класс профессионалов и специалистов технического профиля превратился в самую крупную группу занятых; в-третьих, нововведения, отраженные в меняющихся взаимоотношениях между наукой и технологией, экономической теорией и политикой, стали в возрастающей степени зависеть от успехов в области теоретического знания; *в-четвертых*, (осевой принцип) интеллектуальные институты общества, будучи связанными с кодификацией теоретического знания, в последней трети столетия все в большей и большей степени превращаются в ведущие институты; в-пятых, идет бурный рост нового политического класса – класса консультантов, экспертов, или технократов.

Во втором параграфе **«Отчуждение целеполагающего субъекта в постиндустриальном обществе»** рассмотрена структура отчуждения и его значение в жизнедеятельности субъекта эпохи постиндустриализма.

Понятие отчуждения, как известно, включает, по крайней мере, два аспекта. Во-первых, – это отчуждение субъекта от самого себя, и, во-вторых, – это его отчуждение от социума. Если в период индустриализма они находились в стадии формирования, то теперь приобрели завершённую инсталляцию. Все эти моменты тесно связаны и репрезентируются в процессе общественного производства. Здесь важно иметь в виду, что в его рамках труд нельзя рассматривать лишь как синоним слова «работа», ведь деятельность человека, которая для одних создает богатства, а других ведет к обнищанию, не может быть действительной деятельностью, то есть трудом (этот процесс именуется работой). Такого рода человеческая деятельность наносит ущерб непосредственно рабочим, которые «лишены счастья быть людьми». Труд-работа – есть труд отчужденный. И если учесть, что сам общественный человек реализует свою родовую сущность в труде, его целеполагание и сама жизнь предстают с аксиологической точки зрения лишенными всякой актуальности, а потому – бессмысленными.

Что касается отчужденности от социума, следует сказать, что подлинно человеческое общественное бытие детерминируется, как говорил Виктор

Франкл, ориентированностью на нечто внешнее, что не является самим индивидом. И именно в служении делу и окружающим человек реализует себя, и чем больше при этом он отдает себя, тем более эксплицируется его самобытность. Однако в условиях отчужденности субъекта от самого себя в рамках производственного процесса социальные отношения находятся в зависимости от успешности индивида.

Тотальная ориентация на достижение максимальной эффективности в производстве лишает трансцендентальную связь субъекта с окружающей его природой той духовности, которая присуща этике гуманного человека. Отсюда отчуждение от мира. Вытекающие одно из другого и взаимно обусловленные аспекты отчуждения постиндустриального периода формируют негативную социально-психологическую тотальность. Понимание данного фрагмента социальной картины современности предоставляет удивительную возможность осознания эфемерности человеческого труда, его релятивизации в постиндустриальном обществе, если он осуществляется во имя удовлетворения утилитарных потребностей отдельной социальной группы, а не творческого самовыражения.

Таким образом, имеющиеся в постиндустриальном обществе противоречия наглядно подтверждают кантовские антиномии, в особенности ту, согласно которой свобода есть необходимость. Так, несомненна контрадикторность между самой способностью субъекта к целеполаганию и очевидной невозможностью подлинной интериоризации отдельного творческого индивида в общественное бытие. Антагонистичным выглядит соотношение гигантского выбора средств для достижения цели и обусловленность целей средствами их достижения. Кроме того, для постиндустриального общества также характерны антиномичность имманентности творческих способностей субъекта и лимитированность их общественными отношениями, универсальность этих способностей и тотальная отнесенность к одному виду деятельности, способность субъекта творить предметный мир и перманентная отчуждаемость от него. В конечном

итоге обыденное сознание поневоле не позволяет поступать самостоятельно, пока не будет дана санкция на то или иное действие. При этом происходит гипертрофированная актуализация субъектных экспектаций, которые переносят сознание человека в будущее, виртуализируя тем самым его настоящее. Реверсом психологической инфантильности в подобных условиях является пренебрежение реальностью, стимулирующее откровенный авантюризм и неадекватность субъектного целеполагания. Естественно, что в подобной ситуации индивид теряет способность к самоидентификации и вынужден искать ее в структурах корпорации, к которой он прикреплен.

Таким образом, сегодня индивид существует в рамках «общества потребления», цель которого отражает принцип, используемый в производственном процессе: производить как можно больше, и потреблять как можно больше. И единственное, почему он не может потреблять бесконечно, – конечность финансовых возможностей. Подобная эволюция общественного производства детерминирует и принужденное к калькулируемости целеполагание субъекта, которое оказывается в положении заложника. Спекулятивность принципов эффективности ведет к редукции процесса формирования целеполагания и превращения последнего в номинальную социально и экономически обусловленную, установку, похоронившую «Я» субъекта. Теперь *homo economicus*, он же – *homo ludens* превращается в *homo mechanicus*, эмоционально обнищавшую и автоматизированную единицу общественного процесса. Нет сомнений в том, что подобная девальвация интеллектуально-целесообразного оснащения индивида лишает всякую его практику прелести спонтанности и субъектной самоидентификации вообще. Возникает серьезный социально-психологический дисбаланс, при котором профицит стремлений по отношению к реальным возможностям выдает глубокое противоречие общества. Субъект эпохи постиндустриализма оказывается неспособным конструировать собственную идентичность в условиях новейшей реальности. Индивид фактически превращен в объект, овещнен и идентичности не имеет.

Таким образом, мы имеем следующую диалектическую социальную картину. Реальность, контролируемая общественными нормативами, в результате предстает эпифеноменом, фикцией, генерированной социальной обусловленностью, и репрезентирует психологическую неустойчивость субъекта. При этом сам индивид, стремящийся так или иначе удовлетворить свои социальные потребности, вступает на путь инспирирования адекватных его ожиданиям виртуальных миров – универсумов, в которых он без опасения потребляет вкус тех ощущений, которые не может реализовать в действительности. И та, и другая ипостаси в конечном итоге не решают проблему его целеполагания, находящегося если не в состоянии кризиса, то по крайней мере в состоянии, которое можно охарактеризовать как состояние крайней неопределенности. В любом случае, на первое место выходит проблема уменьшения степени приемлемого заблуждения. В соответствии с этим перед индивидом встает необходимость осознания критичности психологической инерции и иррациональности, навязываемых ему со стороны. И если в середине прошлого столетия перед субъектом поднимался вопрос о социальной свободе, то сейчас стоит не менее важная проблема: как этой свободой пользоваться и осуществлять в ее рамках эффективно актуализируемое субъектное целеполагание.

В третьем параграфе «**Отчуждение смысла**» определяется тотальность отчуждения и его соотношение с проблемой субъектного целеполагания в период постиндустриального общества.

Субъектное целеполагание в эпоху постиндустриализма определяется принципами усложненных, но предсказуемых мотиваций, не выходящих в своей сути за пределы тотальной организации повседневности. Подобное сознательное кредо индивида, законсервированное в своей прогнозируемости и социальной индифферентности, ведет к отчуждению и формированию действительности, конституирующейся лишь в качестве сублимированного субстрата реальной картины мира. Эта сублимация характерна не только в отношении объективной реальности, но и труда,

досуга индивида. Сегодня мы можем констатировать наступление некоей гомогенности социального движения, где все меньше различаются вещи и общественные отношения. В детерминированной таким образом жизни не может быть смысла, потому что Истина жесткой логикой социальной причинности постиндустриализма, в котором предусмотрительно соединены различные элементы, замещена ее метафорой. Это уже не естественное субъектное бытие, а бесконечная социальная комбинаторика, где царствуют образы, знаки и стереотипы.

Социальный и научный плюрализм, либеральность и космополитизм, декларируемые в эпоху постиндустриализма, на деле оказываются всего лишь понятиями, знаками, смыслы которых для индивида индифферентны.

Рост производства становится постиндустриальной религией, питая перманентное ускорение темпов потребительской и жизне-деятельности индивидов. Но подобная акселерация опасна для субъекта. Разрушение старых структур повседневности и замена их новыми, далеко не всегда имеющими реальное сущностное и ценностное наполнение, приводит к очевидному дефициту психологической ликвидности субъекта. Социальная текучесть, при которой индивид нуждается во все большем времени на отдых, чтобы компенсировать моральное истощение, ведет к расцвету всеобщей неуверенности и агрессии. И этот фактор становится единственным нравственным обоснованием социальных инвестиций.

Закон извлечения максимальной эффективности при сокращении реальных затрат становится мерилom экономической рациональности не только производства, но также хозяйства и ментальности постиндустриального общества в целом. В современном обществе индивид окружен многочисленными объектами, которые он потребляет. Подобное изобилие создает весьма устойчивую иллюзию могущества субъекта. В то же время произведенные вещи обречены на недолгую жизнь, которая, в свою очередь, потреблена ростом экономики постиндустриализма.

Конец трансцендентного в философии Герберта Маркузе уже не исторический прогноз, а нелюбимая социальная реальность. Специфика современного постиндустриального общества уничтожила проблематику подлинности, оставив лишь пресловутую комбинаторику образов, символов, знаков. Постиндустриализм элиминировал естественную для субъекта рефлексию и даже саму его потребность в ней. Субъект Нового времени предстает перед нами лишенным индивидуальной и социальной ответственности, заключенным в формат и статус имманентного знака субстрата. Постиндустриальный социум нивелировал размежевание означающего и означаемого. Субъект сам превратился в статичную комбинаторику знаков, отождествив себя с ней и предельно редуцировав собственное целеполагание. Этот редукционизм со своей тенденцией реификации и деперсонализации человека активно содействует экзистенциальному вакууму.

В подобных условиях как никогда актуальной становится необходимость возникновения некоей новой индивидуальной социо-активности, где целесообразность будет оперировать наличием разумной творческой воли (творца) и которая будет эффективно противостоять индивидуальному механическому детерминизму. Возможным это станет, на наш взгляд лишь с реанимацией духовной жизни, преимущество которой перед другими способами бытия выражается в том, что только оно открывает нам путь к ценностям, в первую очередь – к этическим, а значит, позволяет жить жизнью, обладающей ценностью. Только такая жизнь субъекта будет обладать смыслом, только она будет соответствовать заложенным в человеке подлинно гуманистическим началам.

В заключении подводятся итоги работы, формулируются основные выводы, определяются направления дальнейших исследований по данной проблеме.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ
ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. Давлетшин З.К. Образование: в погоне за идеалом // Образование и культура постмодерна: Сб. ст. / Отв. ред. О.Г. Иванова. – Казань, 2005. – С. 37-40
2. Давлетшин З.К. Займёт ли гуманный человек место в истории? // Образование и культура постмодерна: Сб. ст. / Отв. ред. О.Г. Иванова. – Казань, 2005. – С. 80–82.
3. Давлетшин З.К. Проблема целеполагания в теории постиндустриального общества // Человек и общество в современном мире (парадоксы социально-философского дискурса): Сб. ст. молодых учёных / Ред. Ю.Н. Иванов, О.Г. Иванова, З.З. Ибрагимова. – Казань: КазГУ, 2006. – С. 29–50.
4. Давлетшин З.К. Жизнь как система и экзистенциальный вакуум // Человек перед лицом глобального вызова: Сб. ст. /Отв. ред. Г.В. Мелихов. – Казань: Издательский центр Казанского гос. ун-та, 2006. – С. 63–66.

Публикация в издании, рекомендованном ВАК:

5. Давлетшин З.К. Отчуждение в структуре целеполагания постиндустриального общества // Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 150. Книга 4. – Гуманитарные науки. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008. – С. 50-55